

«Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами»: китайцы в повседневной жизни Урала 1920-х гг.

М. С. Каменских

Основу источниковой базы исследования составили фонды кооперативной артели «Китайской рабочий», хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Также использовались материалы статистики и делопроизводственная документация. Цель исследования – показать на основании источников особенности повседневности китайцев на Урале в 1920-е гг., их вовлечение в общественную и культурную жизнь на примере деятельности «Союза китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий», действовавших на Урале в 1920-е гг. «Союз китайских рабочих» функционировал в начале 1920-х гг. с целью выстраивания взаимодействия новых органов власти с большой китайской общиной, сложившейся на Урале в первые годы советской власти. Артель «Китайский рабочий» была создана по национальному признаку для китайцев, участников Гражданской войны, имевших инвалидность. Источники, впервые вводимые в научный оборот, свидетельствуют, что артель создавалась по политическим соображениям и не имела экономической целесообразности. Сами китайцы, оказавшиеся в ее составе, также не видели в ней необходимости. При этом сам институт артели был важен для китайцев Урала, многие из которых после Гражданской войны без знания языка не имели средств к существованию. Артель быстро стала центром китайской общины. Судя по источникам, в этот период имели место случаи негативного отношения к китайцам, дискриминация со стороны местных рабочих. Полагаем, что недолгий период существования «Союза китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий» во многом характеризует политику большевиков по вовлечению этнических меньшинств в общественную жизнь, кооперативные формы хозяйства.

Ключевые слова: китайцы, Урал, НЭП, артель, национальная политика, «нацмен».

Благодарности: подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-01-086 «Антропология культурного наследия китайской миграции в российских регионах».

Для цитирования: Каменских М. С. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами»: китайцы в повседневной жизни Урала 1920-х гг. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 93–106. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_93. EDN: HJUOBO

Введение

Особенности исторического развития России и Китая обусловили появление огромной границы между этими двумя государствам. В этой связи Россия за свою история пережила несколько волн миграций с территории восточного соседа. Миграция китайцев носила «волновой» характер, привязанный к особенностям развития нашей страны в различные периоды. Отметим, что комплексное изучение истории китайцев в Россию началось относительно недавно – в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В этот период в стране выходят первые монографии по общей истории китайцев в России. Авторы сформировали принципы изучения данного вопроса, вписали его в контекст российско-китайских отношений, как на российском, так и на региональном уровне. Наиболее крупными исследователями истории китайской миграции в России являются А. Г. Ларин [1], В. Л. Ларин [2], В. Я. Портяков [3], А. И. Петров [4], В. Г. Дацышен [5; 6] и др. Тема пребывания китайцев в России активно изучается и в КНР [7, с. 7]. История китайской миграции представлена также в работах автора данной статьи [8; 9].

Наименее изученным эпизодом в истории китайцев в России остается период 1920–1930-х гг. Слабая сохранность документов, серьезные политико-экономические трансформации в России и Китае осложняют проведение комплексных исследований. В статье дается анализ жизни и участия китайцев в общественном пространстве Урала 1920-х гг. на примере «Союза китайских рабочих» и артели «Китайский рабочий». В деятельности этих организаций отражена позиция большевистского руководства в отношении «некоренных народов» СССР в русле национальной политики.

Облик китайской этнической группы в СССР в 1920-е гг. имел ряд особенностей. Основу сообщества составляли бывшие китайские рабочие, завербованные царским правительством для работы в оборонной промышленности в период Первой мировой войны. На Урале к концу 1917 г. проживало около 10 тыс. таких китайцев. Однако к началу 1920-х гг. их численность сократилась до нескольких сот человек [8, с. 130–136]. К середине 1920-х гг. бывшие китайские рабочие, оставшиеся в России, в большинстве своем поменяли род занятий: поступали на службу в силовые структуры, занимались торговлей, создавали артели и кооперативы.

Облик этнической группы китайцев Урала

Наиболее репрезентативные сведения о китайцах Урала представляют данные переписи населения 1926 г.: всего по Уралу был записан 391 китаец (361 мужчина и 30 женщин). Общая численность китайцев была невелика – ок. 0,005 % от общей численности населения Уральской области [10, с. 106–147]. По характеру расселения в 1926 г. китайцы оставались преимущественно городскими жителями. Всего в городах проживало более 90 % (273 китайца: 249 мужчин и 24 женщины), в то время как в деревнях – менее 10 %. Они были сосредоточены как в крупных городах (Пермь, Свердловск), так и в местах их работы в досоветский период – на заводах и шахтах Кизела, Алапаевска, Лысьвы, Чусового и др.

Таблица

Китайцы на Урале по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Территория	Всего населения	Китайцы			Родной язык		грамотность	
		Общ.	Муж.	Жен.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Всего (жен.)	На своем языке
Уральская область	6 784 469	391	361	30	348 (13)	49 (17)	146 (2)	125 (1)
Верхнекамский	203 181	99	95	4	93 (1)	1 (3)	33 (0)	33 (0)
Златоустовский	239 472	17	17	0	17 (0)	0	5 (0)	5 (0)
Ирбитский	278 764	28	28	0	24 (0)	1 (0)	10 (0)	7 (0)
Ишимский	278 764	10	9	1	8 (0)	2 (1)	2 (0)	1 (0)
Коми-Пермяцкий	152 491	0	0	0	0	0	0	0
Кунгурский	479 519	1	0	1	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Курганский	493 458	1	1	0	1 (0)	0	0	0
Пермский	715 988	33	28	5	21 (1)	7 (4)	10 (0)	8 (0)
Сарапульский	539 746	7	7	0	7 (0)	0	4 (0)	4 (0)
Свердловский	619 622	112	97	15	85 (8)	12 (7)	37 (2)	28 (1)
Тагильский	437 653	46	44	2	39 (0)	5 (2)	23 (0)	20 (0)
Тобольский	192 121	1	1	0	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Тюменский	504 626	15	14	1	11 (1)	4 (0)	7 (0)	7 (0)
Троицкий	312 564	4	4	0	3 (0)	1 (0)	2 (0)	2 (0)
Челябинский	496 380	14	12	2	14 (2)	0	5 (0)	5 (0)
Шадринский	678 089	3	3	0	3 (0)	0	2 (0)	2 (0)

Сост. и подсчитано по: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

Самым крупным по численности китайцев среди округов был Свердловский, здесь их проживало 112 чел. (из них, 97 мужчин и 15 женщин). Несмотря на Гражданскую войну и связанные с этим активные внутренние миграции населения, в том числе и китайцев, на территории Среднего Урала сохранились места компактного проживания, связанные с досоветским периодом, – Верхнекамский округ (за счет Кизеловских и Губахинских копей), Свердловский округ (Верх-Исетский завод, экономический центр), Тагильский округ (Богословские и Тагильские заводы). Обращает на себя внимание и тот факт, что у китайцев количество мужчин значительно превышало женщин, что является характерным для трудовой миграции. У китайцев был самый высокий среди народов Урала процент грамотных на своем языке – 37 %.

Социально-демографические характеристики китайцев в этот период дополняются рядом сохранившихся архивных материалов, в частности личными делами китайцев – членов кооператива «Китайский рабочий». В фондах кооператива сохранились 42 личных дела [11]. Почти половина китайцев имели год рождения до 1885 года, т. е. к концу 1920-х гг. большинству них было от 45 до 50 лет: до 1885 г. р. – 20 чел., 1886–1890 г. р. – 7 чел., 1891–1895 г. р. – 9 чел., 1896–1900 г. р. – 6 чел. По социальному положению китайцы были либо рабочими, либо крестьянами. В графе «имущество» у всех стоит запись «неимущий». Жившие в крупных городах китайцы промышляли розничной торговлей или работали на предприятиях. Таким образом, к середине 1920-х гг. численность китайцев Урала исчислялась несколькими сотнями человек. Это были в основном мужчины, рожденные в конце XIX в., занятые в торговле или работой на предприятиях. Большая часть из них проживала в городах.

«Союз китайских рабочих» в политике в отношении китайцев Урала

Наиболее активно в первые годы советской власти проявили себя китайские организации, занимавшиеся репатриацией соотечественников, оставшихся без работы и денег. В этот период китайцы из разных районов страны неоднократно обращались за помощью как к своему правительству, так и к советскому [12, л. 36]. А в среде самих китайцев стали появляться инициатив-

ные группы, желающие помочь соотечественникам вернуться на родину. Самая крупная из них – «Союз китайских граждан» (СКГ). Организация появилась в Петрограде в апреле 1917 г. по инициативе ряда обучавшихся здесь китайских студентов. Руководителем СКГ был учитель математики в реальном училище Лю Цзежунхъ [13, с. 75–80]. В дальнейшем «Союз китайских граждан», а также ряд других менее крупных организаций под влиянием большевиков были объединены в «Союз китайских рабочих» (СКР). Об этом сообщала газета «Правда» в декабре 1918 г.: «Совещание постановило выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды» [14, с. 133]. Позднее СКР занял здание бывшего китайского посольства в Петрограде, все архивы и дела посольства были переданы СКР [14, с. 134]. После этого сообщения о СКР были разосланы на места. 6 августа 1919 г. Восточный отдел НКВД уведомил екатеринбургский губком, что СКР «признан советской властью единственным официальным органом китайских граждан, правомочным по защите как личных, так и имущих интересов всех без исключения граждан Китайской республики» [15, л. 21]. В 1920 г. структура СКР заметно усложнилась – были созданы представительства во всех крупных городах, где проживали китайцы. Уполномоченный по Уральскому региону был отправлен в Екатеринбург. Так, 22 августа 1920 г. СКР выпустил объявление, в котором сообщалось, что для Уральского района, включавшего в себя Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую, Вятскую и Уфимскую губернии с центром в Екатеринбурге, на должность представителя СКР назначен Му Сиян, который на тот момент являлся председателем исполнительного комитета китайских рабочих в городе Екатеринбурге [15, л. 19]. Специальным мандатом Му Сияну поручалось: организация, руководство, контроль и наблюдение над деятельностью всех китайских организаций; общая охрана и защита интересов граждан Китайской Республики; наблюдение за соблюдением трудовых и иных прав китайцев со стороны их работодателей; ведение всех дел, связанных с эвакуацией китайцев; организация, руководство и наблюдение за деятельностью культурно-просветительских учреждений китайских рабочих в названном районе. Мандат действовал до 31 декабря 1920 г. Однако общее

собрание екатеринбургского отделения СКР прошло всего один раз – 20 августа 1920 г. На нем присутствовали 140 чел. На заседании обсуждались вопросы об утверждении руководящего состава, проблемы эвакуации китайцев, предложения об открытии в Екатеринбурге школ для китайских рабочих [15, л. 20]. Дальнейшие сведения о решении этих вопросов и деятельности СКР в источниках отсутствуют.

Деятельность СКР была выгодна большевикам в период Гражданской войны, когда реальная власть на местах только устанавливалась, и многие вопросы там не было возможности решить. После окончательного установления советской власти статус и значимость СКР снизились. В марте 1921 г. ВЧК направила в Екатеринбург телеграмму о том, что «всякого рода командировочные удостоверения, выдаваемые иностранными правительствами на территории РСФСР без соответствующей визы Наркоминдел или другого советского учреждения, считать недействительными» [15, л. 4]. Это означало, что свою деятельность СКР теперь должен координировать с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД). Всем желающим остаться в России предлагалось перейти в советское гражданство. На местах функции СКР стали принимать на себя бюро нацменьшинств при губкомах, где создавались китайские секции [16, с. 60–65]. Выполняя вышеупомянутые и ряд других решений, екатеринбургский облисполком 3 ноября 1922 г. выпустил постановление «О регистрации граждан иностранного подданства». В документе указывалось, что все обязанности по охране и защите китайских граждан передаются консульским учреждениям «ввиду чего СКР остается лишь, как орган, занимающийся культурно-просветительской работой и охраной экономических интересов своих членов» [17, л. 1]. По этой причине все документы, выдаваемые СКР китайцам (прежде всего удостоверения для выдачи видов на жительство), признавались недействительными.

Сами китайцы относились к взаимодействию с новой властью неоднозначно. Источники сохранили упоминания о сразу нескольких конфликтах внутри китайских партийных организаций в начале 1920-х гг. [9, с. 18]. Самым резонансным был эпизод, когда 4 марта 1921 г. новый председатель китайского бюро пермского губкома РКП (б) Лян Симин и член президиума

этого бюро Шикои вступили в конфликт с группой соотечественников, промышлявших спекуляцией. В результате оба были застрелены. Смерть Лян Симин и Шикои была представлена как трагическая кончина коммунистов в борьбе с контрреволюцией. «4 марта, в 10 часов вечера на Осинской ул., дом 4, где проживали председатель китайского бюро РКП (б) тов. Лян Симин и член президиума бюро тов. Шикои, явилась группа китайцев бандитов контрреволюционеров и предъявила ультиматум им о прекращении партийной работы и борьбы против спекуляции. Тов. Лян Симин и Шикои ответили, что они честные коммунисты и никогда не пойдут на условия, которые бандиты предъявят. Тогда бандиты дали 4 выстрела, и на своем посту героически погибли два честных коммуниста. Вечная слава, вечная память героям коммунарам», – так писала об этом инциденте газета «Звезда» [18, с. 4]. В Перми 10 марта 1921 г. была организована похоронная процессия, к участию в ней были приглашены представители всех национальных бюро [9, с. 18]. После 1922 г. в связи с прекращением деятельности национальных бюро и СКР сведения о китайцах практически исчезают из делопроизводства.

На примере деятельности СКГ-СКР видно, что в период отсутствия реальной власти в России вопросы китайцев решались инициативно возникавшими организациями. Однако, когда власть постепенно стала утверждаться в руках большевиков, возникшие ранее общественные структуры стали терять свой вес, их место занимали органы власти, уполномоченные решать национальными вопросами. Со временем общественная значимость «Союза китайских рабочих» стала падать, с чем и может быть связано прекращение деятельности организации.

Участие китайцев в экономической и культурной жизни Урала

Когда началась политика НЭПа, китайцы начали вовлекаться в кооперативное движение [13, с. 126]. На сегодняшний день документально подтверждается существование как минимум пяти кооперативных организаций, в которых трудились китайцы – артель «Красный Восток», «Восточный рабочий», сельскохозяйственная артель им. Сунь Ятсена, артель им. 10-й годовщины Красной армии и Торгово-производственная коопе-

ративная артель инвалидов «Китайский рабочий», документы которой сохранились в фондах ГАСО. В ноябре 1929 г. артель насчитывала 36 чел., преимущественно китайцев. В январе 1929 г. после ряда организационных собраний группа китайцев учредителей вложила в общий капитал 3 200 р., открыв в общей сложности 36 киосков. Об этом руководство вновь созданной артели информировало президиум горсовета [20, л. 26].

Основная деятельность «Китайского рабочего» – мелкая киосочная торговля «различной бакалеей и табачными изделиями» [20, л. 73]. В других документах в качестве товаров, продаваемых артелью, называются мыло, консервы, спички, махорка, сигареты марок «Пушка» и «Наша марка» [20, л. 181]. В состав артели, кроме киосков, входила прачечная.

Документы свидетельствуют, что артель быстро развивалась, со временем в нее вливались другие торговые кооперативы. В июле 1929 г. артель «Интруд» передала «Китайскому рабочему» несколько киосков с товаром на сумму 11 568 р. [20, л. 43], а китаец Ли Футян с собственным киоском и капиталом в 400 р. попросился на службу в артель в сентябре того же года [20, л. 54]. За весь 1929 г. артель открыла мастерскую, зеркальную, кафе-молочную, руководство артели рассчиталось со всеми предыдущими долгами и кредитами, общий торговый оборот артели за год составил более 200 000 р. [20, л. 3–8]. В протоколе от 28 января 1930 г. сообщается о планах по приобретению одного табачного киоска на вокзале, одного посудного киоска, двух галантерейных и двух бакалейных киосков и одного киоска со смешанными товарами – всего семи торговых точек [20, л. 25].

Артель могла заниматься и незаконной деятельностью. Газета «Уральский рабочий» в апреле 1929 г. сообщала об аресте за участие в незаконной покупке папирос председателя артели товарища Василия Газетдинова¹, за что на последнего было заведено уголовное дело [21, с. 3]. В дальнейшем артель обращалась в прокуратуру с просьбой разобраться в законности ареста и точности указанных в статье фактов. «Газетдинов среди нас китайцев пользовался авторитетом и иным доверием», – говорилось в коллективном обращении членов артели [20, л. 132]. Судя по тому, что имя Газетдинова исчезло из документов ар-

¹ Имя Василия Степановича Газетдинова, скорее всего, было псевдонимом, поскольку в документах неоднократно указывалось, что в артель входили только китайцы.

тели «Китайский рабочий» после мая 1929 г., это обращение прокуратура не оставила без внимания. В дальнейшем место председателя занял китаец Ли Сифу.

Постепенно вокруг «Китайского рабочего» спланировалась вся китайская община Свердловска. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. от имени артели в горсовет стали поступать требования, выходящие за рамки торговой деятельности. Так, в январе 1930 г. члены артели подготовили коллективное обращение о необходимости обследования всех нуждающихся китайцев Урала, выделения помещения для проведения среди них культурной работы, открытия школы для китайских детей и обеспечения их площадками, обеспечения китайцев жилищными условиями, а также разработки плана по расширению лавочных сетей. В пустующем детском саду для национальностей артель просила создать школу ликбеза и «красный уголок» для китайских рабочих [20, л. 218]. В этот период численность артели уже превышала 80 чел. [22, л. 10]. Такое развитие артели не вписывалось в новые принципы экономической и национальной политики СССР начала 1930-х гг. В этот период, как известно, кооперативное движение уже тормозилось на государственном уровне. Скорее всего, по этой причине было принято решение и о закрытии артели «Китайский рабочий». В итоговом протоколе сообщалось о проблемах с дисциплиной и низкой эффективности [23, л. 12]. Артель была ликвидирована в августе 1930 г. Штат переведен в русскую артель «Производственник» [23, л. 36].

Отметим, что даже участвуя в интернациональном движении, китайцы сохраняли замкнутость при контактах с внешним миром. На это влияло несколько факторов. Китайцы не могли адаптироваться в принимающем сообществе, так как не знали русского языка. Так, исходя из материалов переписи 1926 г., только 41 китаец (14 %) указали на русский язык в качестве родного, на китайский – 249 (85,6 %) [11].

Анкетные данные членов артели «Китайский рабочий» о грамотности в основном совпадают с данными переписи. В «Китайском рабочем» восемь членов имели хоть какое-то образование, остальные 33 были неграмотными. Когда в 1930 г. принималось решение о закрытии китайской кооперативной артели «Китайский рабочий», ее председатель Ли Сифу в протоколе указывал: «...члены артели не знают русского языка, а потому слившись

с русской артелью им трудно будет работать», а китаец Ли Ванду был более откровенен: «Мы китайцы большинство не умеем читать, писать и говорить по-русски как следует» [22, л. 4].

Это касается и других китайцев области. В сводке о работе среди нацменьшинств на предприятиях Лысьвенского района на январь 1928 г. о китайцах особо отмечено: «В силу же отсутствия достаточно грамотных на русском языке продвижение их в учебные заведения сильно тормозится... так как там отсутствуют партийцы нацмены, могущие вести организаторскую работу, а работать среди нацменрабочих на русском языке представляет большие трудности» [24, л. 7].

Возможно, нежелание адаптироваться было связано с негативным отношением местного населения к китайцам. На факты дискриминации указывали они сами. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами, так как русские артели получают и продукты, и товары, а нам несмотря на наши просьбы не дают. УКС [Уралкооперативсоюз – авт.] не хочет понять национальную политику», – писал в 1930 г. председатель правления артели «Китайский рабочий» Ли Сифу. Он же жаловался на нежелание УКС посодействовать в приобретении необходимого оборудования для прачечной [22, л. 4].

К концу 1920-х гг. численность китайцев немного сократилась, поскольку не было новых миграций. Кроме того, во второй половине 1930-х гг. многие китайцы были подвергнуты репрессиям [8, с. 142–151]. Но несколько сотен китайцев продолжали постоянно жить на Урале. Они по-прежнему оставались преимущественно городским населением, а по гендерному распределению это были в основном мужчины. Даже к концу 1938 г. в Уральской области жили китайцы-коммунисты, трое из которых были членами партии и трое – кандидаты на вступление в партию [25, л. 67 об.]. Однако организованной институционально социальной группы китайцев в рамках регионов конце 1930-х гг. уже не существовало. Во второй половине 1930-х гг. сведения о китайцах и взаимодействиях с ними властей исчезают из документов и прессы.

Обсуждение и выводы

Вышеизложенный материал позволяет сделать несколько выводов. Несмотря на присутствие в общественной и эконо-

мической жизни, поддержку со стороны властей китайцы мало шли на контакты, однако активно вовлекалось в национальную политику. Свою роль, безусловно, сыграл политический фактор: китайцы участвовали в Гражданской войне на стороне большевиков, с другой стороны, СССР в 1920-е гг. сотрудничал с Китайской Республикой.

Создание кооперативных артелей для китайцев, включение их в партийную работу не было продиктовано особым запросом с их стороны, скорее было вызвано политическими факторами. Тем не менее они стали объектами национальной политики, а их этничность стала поводом для принятия управленческих решений, например через создание трудовых коллективов по национальному признаку. Когда политическая необходимость в вовлечении китайцев утрачивала актуальность, упоминания о них исчезали из делопроизводства, что подтверждает тезис об избирательности и ситуативности советской национальной политики в отношении небольших по численности некоренных этнических сообществ.

Список литературы

1. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с. EDN: QPNYOH.
2. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с. EDN: YOKOGU.
3. Портяков В. Я. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 39–49. EDN: XDGLUT.
4. Петров А. И. История китайцев в России 1856–1917 годы. СПб.: ООО «Вереста», 2003. 960 с. EDN: QOTYID.
5. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 512 с. EDN: PZWSXB.
6. Ван В., Дацышен В. Г. Енисейская Сибирь и Китай. Красноярск: РАСТР, 2024. 304 с. EDN: SQURWX.
7. Каменских М. С. Авдашкин А. А., Дацышен В. Г., Залесская О. В. Наследие китайской миграции в России. Подходы к изучению // Наследие китайской миграции в регионах России: документы и материалы. Санкт-Петербург: «Маматов», 2025. С. 6–37.
8. Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2011. 351 с. EDN: QPTYXR.
9. Каменских М. С. Китайцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. 64 с. EDN: ISWBVD.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том IV / Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 106–147.
11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-171.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 5.

13. Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 224 с. EDN: QPNYOH.
14. Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М.: Издательство восточной литературы, 1961. 179 с.
15. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 16.
16. Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Мамагов, 2019. 224 с. EDN: EVWBDK.
17. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 386.
18. Памяти товарищей // Звезда. 1921. 10 марта.
19. ГАСО. Ф. Р-1200. Оп. 2. Д. 54.
20. ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 8.
21. Извещения // Уральский рабочий. 1929. 12 апреля.
22. ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 21.
24. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 35.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316.

"Apparently, After all, There is Antagonism Between Russians and Chinese": the Chinese in Everyday Life of the 1920s Urals

Mikhail S. Kamenskikh

The foundation of the study's source base consists of the funds of the "Chinese Worker" co-operative artel, held in the State Archive of Sverdlovsk Region. The author also used statistical materials and administrative records. The article examines the everyday life and socio-cultural integration of the Chinese community in the 1920s Urals through the lens of two organizations: the "Union of Chinese Workers" and the "Chinese Worker" artel. The "Union of Chinese Workers" functioned in the early 1920s with the goal of building interaction between the new authorities and the large Chinese community that had formed in the Urals during the first years of Soviet power. The "Chinese Worker" artel was created on a national basis for disabled Chinese Civil War veterans. Sources introduced into scholarly circulation for the first time indicate that the artel was established for political reasons and lacked economic viability. The Chinese themselves, who participated in it, also saw no need for it. Nevertheless, the artel became vital for the Chinese of the Urals, many of whom were destitute and lacking Russian language skills after the Civil War. The artel quickly became the center of the Chinese community. Sources also document instances of negative attitudes towards the Chinese and discrimination by local workers. The author argues that the short-lived existence of the "Union of Chinese Workers" and the "Chinese Worker" artel largely characterizes the Bolshevik policy of involving ethnic minorities in social life and cooperative forms of economy.

Key words: Chinese, Urals, NEP (New Economic Policy), artel, national policy, national minority.

Acknowledgements: Prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-01-086 "Anthropology of the Cultural Heritage of Chinese Migration in Russian Regions".

For citation: Kamenskikh, M. S. (2025) «Ochevidno vse-taki yest' antagonizm mezhdu russkimi i kitaytsami»: kitaytsy v povsednevnoy zhizni Urala 1920-kh gg. [Apparently, After all, There is Antagonism Between Russians and Chinese*: the Chinese in Everyday Life of the 1920s Urals]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 93–106. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_93. EDN: HJUOBO

References

1. Larin, A. G. (2009) *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.). EDN: QPNYOH.
2. Larin, V. L. (2005) *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-ye gody XIX – nachalo XXI vv [Russian-Chinese relations in regional dimensions (1980s – early 21st century)]*. Moscow: Vostok-Zapad (In Russ.). EDN: YOKOGU.
3. Portyakov, V. Ya. (2004) *Noviye kitayskiye migranty v Rossii: promezhutochnyye itogi* [New Chinese migrants in Russia: interim results]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of Far East]. No. 3. Pp. 39–49. (In Russ.). EDN: XDGLUT.
4. Petrov, A. I. (2003) *Istoriya kitaytsev v Rossii 1856–1917 gody* [History of the Chinese in Russia in 1856–1917]. St. Petersburg: OOO Beresta. (In Russ.). EDN: QOTYID.
5. Datsyshen, V. G. (2008) *Kitaytsy v Sibiri XVII–XX v.: problemy migratsii i adaptatsii* [Chinese in Siberia in the 17th – 20th centuries: problems of migration and adaptation]. Krasnoyarsk: SFU, 2008. (In Russ.) EDN: PZWSXB.
6. Wang, W., Datsyshen, V. G. (2024) *Yeniseyskaya Sibir' i Kitay* [Yenisei Siberia and China]. Krasnoyarsk: RASTER. (In Russ.). EDN: SQURWX.
7. Kamenskikh, M. S., Avdashkin, A. A., Datsyshen, V. G., Zaleskaya, O. V. (2025) *Nasledie kitayskoy migratsii v Rossii. Podkhody k izucheniyu* [The heritage of Chinese Migration in Russia. Approaches to Study]. *Nasledie kitayskoy migratsii v regionakh Rossii: dokumenty i materialy* [The heritage of Chinese Migration in the Regions of Russia: Documents and Materials]. St. Petersburg: "Mamotov". Pp. 6–37. (In Russ.).
8. Kamenskikh, M. S. (2011) *Kitaytsy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI veka* [The Chinese in the Middle Urals at the end of the 19th – beginning of the 21st century]. St. Petersburg: Mamotov (In Russ.) EDN: QPTYXR.
9. Kamenskikh, M. S. (2018) *Kitaytsy Permi: istoriya i kul'tura* [Chinese of Perm: history and culture]. St. Petersburg: Mamotov (In Russ.). EDN: ISWBVD.
10. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Tom IV* [All-Union Population Census of 1926. Volume IV]. Department I. Moscow: Izd-e CSU Sojuza SSR. (In Russ.).
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoy oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region] (hereinafter – GASO). F. R-171.
12. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 514. Op. 1. D. 5. 31.
13. Larin, A. G. (2003) *Kitaytsy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskiy ocherk* [Chinese in Russia Yesterday and Today: Historical Essay]. Moscow: Muravey. (In Russ.). EDN: QPNYOH.
14. (1961) *Kitayskiye dobrovol'tsy v boyakh za Sovetskuyu Rossiyu (1918–1922)* [Chinese volunteers in the battles for Soviet Russia (1918–1922)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (In Russ.).
15. GASO. F. R-511. Op. 1. D. 16.
16. Kamenskikh, M. S. (2019) *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gody: regional'nyy aspekt* [National policy in the Kama region in 1918–1939: regional aspect]. St. Petersburg: Mamotov. (In Russ.). EDN: EVWBKD.
17. GASO. F. R-511. Op. 1. D. 386.
18. *Pamyati tovarishchey* [In memory of comrades]. *Zvezda* [Star]. 1921. 10 March.
19. GASO. F. R-1200. Op. 2. D. 54.
20. GASO. F. R-171. Op. 1. D. 8.
21. *Izveshcheniya* [Notifications]. *Ural'skiy rabochiy* [Urals worker]. 1929. 12 April.
22. GASO. F. 171 r. Op. 1. D. 22.
23. GASO. F. 171 r. Op. 1. D. 21.
24. *Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Perm State Archive of Social and Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 2. Op. 5. D. 35. 43.

25. RGASPI. F. 17. Op. 7. D. 316.

Об авторе

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4041-086X

About the author

Kamenskikh Mikhail S., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Perm, Russian Federation; e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4041-086X

Статья поступила в редакцию 02.08.2025

Одобрена после рецензирования 14.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025